

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОСМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

В. Г. ЭМИН

Прогресс науки и техники сделал возможным качественное изменение в соотношении человека ко «Вселенной вокруг нас». От пассивного созерцания космических просторов человечество перешло к их активному исследованию и освоению.

Это решающее изменение оказывает возрастающее влияние на все стороны жизни человечества, в том числе — на международные отношения и международное право. Результатом этого явилось возникновение ряда важных политико-юридических проблем, которые решаются сейчас и должны решаться в будущем в результате международного соглашения всех заинтересованных государств, «космических» и «некосмических».

К числу таких относится проблема соотношения государственного суверенитета и свободы космической деятельности. Проблема эта ставилась в международно-правовой литературе и до начала эры космических полетов. Однако в то время она носила чисто теоретический характер.

В национальных законодательствах всех государств мира практически закреплён принцип полного и исключительного суверенитета данного государства в отношении воздушного пространства над своей территорией. Этот принцип нашел свое отражение и был закреплён в качестве международно-правовой нормы в международных многосторонних и двусторонних соглашениях по воздушному праву (например, в Чикагской конвенции 1944 г. о гражданской авиации¹). Сущность этого общепризнанного принципа проявляется в совокупности осуществляемых каждым государством в пределах своей территории полных и исключительных прав по: а) регулированию всех воздушных передвижений, б) регулированию коммерческой деятельности авиатранспортных предприятий и в) осуществлению административной, гражданской, уголовной юрисдикции в отношении воздушных аппаратов, их экипажей и находящихся на их борту пассажиров, грузов и почты.

Одним из важнейших проявлений воздушного суверенитета каждого государства является разрешительный порядок полетов иностранных воздушных летательных аппаратов в пространстве над своей территорией. Согласно Воздушному кодексу Союза ССР от 1 января 1962 г. влет воздушного судна в СССР и вылет из СССР без соответствующего разрешения, несоблюдение указанных в разрешении маршрута мест посадки, воздушных ворот, высоты полета или иное нарушение правил международных полетов влечет за собой установленную законом ответственность (ст. 80). Статья 26 Положения об охране государственной границы СССР от 5 августа 1960 г. устанавливает, что воздушные суда, пересекающие границу воздушного пространства Союза ССР, признаются нарушителями государственной границы СССР, если они не имеют разрешения компетентных советских органов на перелет границы и полет над сухопутной или водной территорией Союза ССР, а также хотя и имеющие указанное разрешение, но перелетающие границу в неустановленном месте или с нарушением высоты полета. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления

¹ СССР в настоящее время не является участником Чикагской конвенции, но как в своей практике, так и в заключаемых им соглашениях по вопросам воздушных сообщений твердо придерживается этого общепризнанного принципа современного международного права.

от 25 декабря 1958 г. гласит, что нарушение правил международных полетов наказывается лишением свободы сроком от одного до десяти лет или штрафом в размере до десяти тысяч рублей с конфискацией воздушного судна или без конфискации (ст. 21).

Безусловным является право каждого государства прибегнуть к принудительным действиям вплоть до перехвата и уничтожения нарушителей государственной границы в воздухе в случаях, когда прекращение нарушения или задержание нарушителей не может быть осуществлено другими средствами или в ответ на применение силы со стороны нарушителей.

В то же время большинством государств мира был согласован, подписан и ратифицирован Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г.² Одним из основных принципов этого Договора является принцип свободы исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Согласно Договору по космосу 1967 г., космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами (ст. II). Космическое пространство открыто для исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел (ст. I).

Очевидный и неопровержимый факт одновременного существования двух правовых режимов, регулирующих соответственно космическую и воздушную деятельность в надземном пространстве, поставил на повестку дня вопросы, которые можно сформулировать следующим образом:

1. Можно ли квалифицировать как нарушение территориального суверенитета государства А факт полета в надземном пространстве над его территорией космического аппарата государства В?

2. Каковы критерии определения правомерности космической деятельности государств?

3. Как совместить, практически и теоретически, свободу осуществления космической деятельности всеми государствами на основе равенства и без какой бы то ни было дискриминации, и принцип полного и исключительного суверенитета, осуществляемого каждым государством в отношении воздушного пространства над своей территорией?

Практика космической деятельности государств постоянно ставит эти вопросы перед государствами и юристами. Так, например, советские и американские межпланетные и орбитальные космические аппараты движутся на разных высотах над территориями различных государств мира. Один из многочисленных примеров — полет американского космического корабля «Аполлон-II» с тремя астронавтами на борту. «В 12 часов 5 минут по вашингтонскому времени космический корабль, находясь на высоте 120 км над Австралией, вошел в плотные слои атмосферы...»³.

Если считать, что такой космический аппарат движется в воздушном пространстве нижележащего государства (а ученые утверждают, что молекулы воздуха можно обнаружить и на высотах до 800 км над поверхностью Земли⁴), то в таком случае наличие нарушения воздушного суверенитета данного государства. Отсюда следует, что это государство, руководствуясь своим внутренним законодательством и согласно с пор-

² Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 года, вступил в силу 10 октября 1967 года после его ратификации 16-ю государствами, включая все государства-депозитарии (далее: Договор по космосу 1967 года).

³ «Аполлон-II» приводнился», «Правда», 25 июля 1969 г.

⁴ Справочник по космонавтике, изд-во Министерства обороны СССР, М., 1966, стр. 56—79.

мами международного права, вправе принять соответствующие меры в отношении такого космического аппарата, считая его нарушителем.

В соответствии с подобной точкой зрения можно было бы предположить, что нижележащее государство вправе предпринять в отношении государства, совершившего запуск такого космического аппарата, все разрешенные международным правом меры, потребовав прекращения подобных полетов над своей территорией, как нарушающих нормы международного права и своего внутреннего законодательства.

С другой стороны возникает резонный вопрос—каковы критерии, на основании которых нижележащее государство может считать полет иностранного космического аппарата над своей территорией нарушением своих суверенных прав и интересов в пограничащем воздушном пространстве? Ведь государства мира, заключив Договор по космосу 1967 года, установили основополагающий принцип космического права—принцип свободы космической деятельности, осуществляемой в мирных целях, в соответствии с международным правом, включая Устав ООН. Государство, запустившее космический аппарат, в ответ могло бы с не меньшим основанием сослаться на этот важный принцип действующего международного космического права, указав, что на его космическую деятельность, осуществляемую посредством данного космического аппарата, не распространяется действие норм внутреннего воздушного законодательства нижележащего государства, а также норм международного воздушного права.

Практическое и теоретическое значение поставленной проблемы очевидно. Решение ее позволило бы четко очертить сферы действия норм космического и воздушного права с целью избежания коллизии норм этих двух правовых порядков и максимального обеспечения суверенных прав и интересов каждого государства. Это также способствовало бы одновременно развитию и укреплению космического правового порядка, основанного на принципе свободы исследования и использования космоса.

Ни в национальных законодательствах, ни в международном праве нет каких-либо норм, определяющих высотный предел суверенитета государств или, по крайней мере, дающих ключ к решению проблемы. Поэтому в предложенном делегацией Франции параграфе 4 (в) единогласно принятой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН государства-члены ООН, «признавая важность развития правового порядка в этой новой сфере усилий человека», обратились к Комитету ООН по использованию космического пространства в мирных целях с предложением начать изучение вопросов относительно определения понятия космического пространства и небесных тел, включая различные последствия осуществления космической связи.

На проходивших в 1967, 1968 и 1969 года сессиях юридического подкомитета Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях эта проблема была подвергнута тщательному обсуждению.

Выступая на проходившей 19.VI—14.VII 1967 года шестой сессии юридического подкомитета Комитета ООН по космосу представитель Франции подчеркнул, что решение этой проблемы должно уравнивать права государств и, в особенности, их право на суверенитет в отношении своего воздушного пространства, и обязанность государств не препятствовать мирной космической деятельности третьих государств в космическом пространстве. «Задача юристов была бы, разумеется, весьма легкой, если бы от них требовалось лишь оформить юридически научное определение космического пространства, основанное на непротиворечивых и бесспорных научных критериях»,—заявил представитель Франции⁵, имея в виду невозможность нахождения научно-технических критериев определения высотной границы, разделяющей воздушное пространство от космического.

Представитель СССР, обратив внимание на необходимость тщательного изучения всех относящихся к этой проблеме данных, отметил важность положения, согласно которому использование и исследование космического пространства должны проводиться на благо всего человечества, принимая во внимание законные интересы госу-

⁵ Док. ООН A(AC.105)C. 2/SR. 80.; 16 August, 1967, p. p. 3—12.

дарств. «Это—очень важное положение,—заявил представитель СССР в юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу проф. А. С. Пирадов,—означающее, что космическое пространство не может быть использовано в целях ведения агрессивных войн, ведения пропаганды войны, разжигания расовой ненависти или вражды между народами, или для любых действий, могущих поставить под угрозу суверенные права государств. Эта основная идея представляет собой основу для работы Комитета по кодификации принципов, регулирующих использование космического пространства»⁶.

В ходе работы юридического подкомитета Комитета ООН по космосу делегации Франции и Италии внесли свои предложения⁷, касающиеся вопросов определения понятия космического пространства, включая различные последствия осуществления космической связи.

Таким образом, государства единодушны в признании необходимости решения указанной проблемы на основе международного соглашения всех заинтересованных государств. Ни одно государство мира, за исключением Никарагуа⁸, не пыталось до настоящего времени в одностороннем порядке ограничить вертикальный предел действия своего воздушного суверенитета.

Кроме того, до настоящего времени ни одно государство не выдвигало конкретных предложений по решению проблемы. Приходится поэтому констатировать, что, несмотря на то, что проблема высотного предела государственного суверенитета уже в течение нескольких лет обсуждается в Комитете ООН по космосу, государства еще не достигли согласованного мнения относительно путей ее решения.

В поисках решения можно обратиться к доктрине международного космического права, к взглядам и точкам зрения, выдвигавшимся и обосновывавшимся в работах ученых-юристов. В настоящее время в науке международного космического права с достаточной четкостью выявились три подхода к ее решению. Это—«пространственный» подход, «функциональный» подход и, наконец, соединяющий элементы первого и второго, «дуалистический» подход.

К первому направлению следует отнести теории и взгляды, согласно которым разграничение сфер действия принципа свободы космической деятельности государств и принципа полного и исключительного воздушного суверенитета каждого государства должно проводиться путем установления и юридического закрепления высотной разграничительной плоскости, которая отделяла бы воздушное пространство от космического.

Часть юристов, придерживающихся пространственного подхода, ставит разрешение правовых вопросов в отношении прямой зависимости от физических, геофизических и других естественнонаучных факторов. Другая часть—придерживается мнения, что

⁶ Там же, стр. 8—10.

⁷ Док. ООН А/АС.105/37; 14 июля 1967 г., приложение III, стр. 2—3, 4—5.

⁸ Согласно ст. 5 Конституции Республики Никарагуа от 1.XI.1950 г., в государственную территорию республики входят «воздушное пространство и стратосфера» («Конституция государства американского континента», т. 2, ИИЛ, М., 1959, стр. 448—519). Однако даже если и принять сомнительное (с точки зрения геофизики) отождествление тропосферы и воздушного пространства, то и в этом случае нет, новидимому, достаточно веских оснований ограничивать высотный предел суверенитета этого государства высотой верхней границы стратосферы (кстати, изменяющейся в зависимости от различных факторов). Указание на «воздушное пространство и стратосферу» вряд ли можно рассматривать как установление точной определенной границы суверенитета, тем более и потому, что законодатель в момент принятия положений статьи 5 Конституции не мог, естественно, предвидеть возможности возникновения проблемы разграничения в существующем виде. Следовательно, положение ст. 5 нельзя толковать ограничительно, то есть как распространяющее действие государственного суверенитета Никарагуа до определенной высоты, тем более, что такая высота в тексте конституции не указана.

высотная разграничительная плоскость должна быть установлена произвольно, независимо от каких-либо критериев.

Ставя проблему исключительно в пространственной плоскости, авторы подобных теорий неизбежно отвлекаются от преимущественно правового характера проблемы и, как следствие—хотят они того или нет—сводят задачу юристов в данном вопросе к отысканию в надземном пространстве некоей заветной точки или точек, определяющих, где кончается действие суверенитета нижележащего государства и начинается сфера действия «чистого» международного космического права.

Важным недостатком основанных на пространственной концепции теорий разграничения является, по нашему мнению, то обстоятельство, что в соответствии с ними пришлось бы исключить из сферы действия космического права такие ответственные и неотделимые в правовом отношении участки полета космических аппаратов, как запуск, выведение на орбиту или траекторию полета, снижение и посадка. Логически развивая теории пространственного разграничения, пришлось бы также признать, что нормы космического права приобретают силу и становятся обязательными для выполнения лишь начиная с определенной высоты, что совершенно не соответствует действительной практике государств и положениям действующего космического права.

Таким образом теории, основной упор в которых делается на пространственном разграничении, не в состоянии удовлетворительным образом решить проблему, так как решения невозможно достичь простым разделением надземного пространства на две или несколько зон, и так как никто из авторов этих теорий не в состоянии объяснить почему проблема, тесно связанная с рядом факторов преимущественно юридического и политического характера, должна решаться на основе исключительно пространственного разграничения.

Сами авторы основанных на пространственных критериях теорий разграничения признают, что «определение границ в исключительно физических терминах вряд ли могло бы быть возможным»⁹.

Подвергая критике основанные на «пространственном» подходе теории, нельзя вместе с тем не отметить содержащиеся в них положительные элементы. Это, прежде всего, констатация и попытка ограждения в теоретическом плане принципа суверенитета—этого краеугольного камня современного международного права. Любое решение проблемы, отрицающее этот принцип или не исходящее из его признания, несостоятельно теоретически и обречено на провал в практическом отношении.

Невозможность решения проблемы на основе одного лишь пространственного подхода привела многих юристов к мысли о необходимости правового разграничения видов деятельности, а не пространств, в которых они могут осуществляться. Этот подход к решению проблемы получил в юридической литературе название «функционального».

В этом смысле «функциональный» подход представляется более реалистичным и обоснованным, так как в нем на первый план выдвигается необходимость правового регулирования космической деятельности независимо от того, «на какой высоте кончается верх».

Общим для основанных на функциональном подходе теорий является признание нераздельности надземного пространства. Правовые проблемы космической деятельности государств не могут быть решены в результате простого разграничения надземного пространства путем установления разграничительной плоскости. Положительный элемент функциональных теорий—в утверждении о необходимости строгого правового разграничения и регламентирования космической деятельности и воздушной деятельности.

Но и решение, предлагаемое сторонниками «функционального» подхода, также не может считаться удовлетворительным. Прежде всего потому, что в работах сто-

⁹ Draft Code of Rules on the Exploration and Uses of Outer Space, London, 1962, p. 5, comment I.

сторонников «функционального» подхода делается вывод о необходимости отказа от якобы «устаревшего» принципа государственного суверенитета¹⁰. Ясно, что теории, основанные на отрицании государственного суверенитета, непригодны для решения любых правовых проблем, возникающих в отношениях между государствами в наше время.

Важным шагом (по сравнению с пространственными и функциональными теориями) в сторону решения проблемы явились попытки соединения обоих подходов. Так, индийский юрист д-р Савита Рани высказывает серьезные сомнения в пригодности монистических (т. е. пространственных и функциональных теорий, взятых в отдельности.— В. Э.) теорий. Взамен д-р Савита Рани выдвигает новую, «дуалистическую» теорию. «Пространственно-функциональная теория называется дуалистической, так как в ней учитываются оба составных элемента, определяющих космическое право—пространственный и функциональный элементы, между которыми существует органическая связь»¹¹,— пишет она.

Представляется, однако, что и дуалистический подход не свободен от недостатков. Соединить пространственный и функциональный подходы в одно целое—не значит еще избавиться от их недостатков. Вместе с положительными элементами того и другого (а именно, с признанием необходимости строгого правового разграничения и детальной регламентации космической и воздушной деятельности и признанием принципа воздушного суверенитета каждого государства) дуалистическая теория в изложении, которое дается ее сторонниками, наследует и отрицательные стороны каждого подхода¹².

В самом деле, говоря о необходимости установления разграничительной плоскости в надземном пространстве, пусть даже и в сочетании с четким правовым регулированием различных видов деятельности в надземном пространстве, независимо от высоты ее осуществления, дуалистическая теория вновь возвращает нас к трудностям и противоречиям пространственного и функционального подходов. Таким образом, и дуалистическая теория в ее существующем виде, так же как и функциональная и пространственная теории, авторы которых абсолютизируют один из аспектов проблемы в ущерб другим, не в состоянии дать удовлетворительного решения проблемы.

Ответы на поставленные вопросы можно дать лишь в результате анализа существующей практики космической деятельности государств, исследования действующих норм международного космического права, с максимальным учетом имеющихся к настоящему времени научно-технических данных.

Решение проблемы, на наш взгляд, должно идти не по пути отыскания наилучшего критерия для разграничения надземного пространства, к чему, по сути дела, стремятся сторонники пространственной концепции, не в самом по себе разграничении видов деятельности без учета суверенных прав нижележащих государств—к чему ведут дело функционалисты, и даже не в эклектическом смешении основных положений обеих концепций—как предлагает д-р Савита Рани. Все это—не самоцель, но средства для решения основной задачи, суть которой заключается в совмещении двух действующих в надземном пространстве и противоположных по своим основным принципам право порядков—космического и воздушного. Такое удовлетворительное

¹⁰ Так, например, проф. Ф. Шик считает, что концепция суверенитета «и ее главное следствие—право исключительной национальной территориальной юрисдикции, несовместимы с социальными и правовыми требованиями космического века», Ф. Шик, *Международное право в космосе, «Современные проблемы космического права»*, ИИЛ, М., 1963, стр. 261.

¹¹ Savita Rani, *The Monist and Dualist Theories and the Upper Limit of State Sovereignty*, „Colloquium on the Law of Outer Space, 8-th, Athens, 1965“, Proceedings... Norman (Okla) 1966, p. p. 330—334.

¹² Savita Rani, указ. соч. M. S. McDougall, H. D. Lasswell, J. A. Vlasic, *Law and Public Order in Space*, London, 1964.

совмещение обоих правопорядков может быть достигнуто на основе полного учета требований, предъявляемых как интересами «космических» государств, так и интересами «некосмических» государств¹³.

В практике государств в качестве общепризнанной нормы сложился и был подтвержден в резолюциях XVI, XVII и XVIII сессий Генеральной Ассамблеи ООН лежащий в основе правового регулирования космической деятельности государств принцип свободы исследования и использования космического пространства. Этот основополагающий принцип был впервые юридически закреплён в Договоре по космосу 27 января 1967 г. в ст. ст. 1—3. Свобода осуществления мирной космической деятельности—основной принцип международного космического права, сложившийся на основе международной практики по запуску космических аппаратов¹⁴.

В самом деле, в годы, предшествовавшие принятию резолюции от 20 декабря 1961 г., впервые рекомендовавшей государствам два принципа космической деятельности, то есть по крайней мере до конца 1961 г., а строго юридически—до 27 января 1967 г., когда впервые был подписан Договор по космосу, не существовало, за исключением Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия 1963 г., ни одной писаной нормы международного космического права.

В то же время космическая деятельность государств приняла постоянный характер, и ни одно государство не оспаривало правомерность запусков и полетов космических аппаратов.

В данном случае обычно-правовая норма о свободе исследования и использования космоса была создана в результате практики нескольких государств, но признана в качестве таковой всеми государствами мира. Веским подтверждением тому служат многочисленные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам регулирования космической деятельности государств. Трудно отрицать, что принятые единогласно всеми членами ООН резолюции Генеральной Ассамблеи ООН сыграли определенную положительную роль в констатации складывавшихся обычно-правовых норм международного космического права.

Проф. Д. Гудхойс утверждал в связи с этим, что «то обстоятельство, что государства до сих пор не протестовали (против запусков и полетов в надземном пространстве над своими территориями космических аппаратов других государств.—В. Э.) не означает, что они не могут выразить своего протеста в будущем»¹⁵. Это утверждение было бы верным, если содержало бы и мысль о том, что в равной мере это не означает права государств протестовать против космической деятельности, осуществляемой другими государствами в соответствии с нормами и принципами международного права.

Сейчас, когда уже имеется ряд многосторонних и двусторонних договоров и соглашений по космическому праву, можно утверждать, что космическое право, как самостоятельная отрасль международного права, вышло из стадии образования, вступив на новый уровень развития. Это положение было официально констатировано государствами в преамбуле Соглашения о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 года («развивать и дальше конкретизировать» обязательства, принятые государствами на себя по Договору по космосу 1967 года).

Заклучив Договор по космосу 1967 года и другие соглашения по космическому праву, государства мира тем самым добровольно и на основе равенства известным об-

¹³ Необходимо отметить, что в положении «некосмического» государства могут оказаться практически все «космические» государства, так как полеты иностранных космических аппаратов могут совершаться и над их территориями. Поэтому, разделение государств на «космические» и «некосмические» носит в определенной мере условный и временный характер.

¹⁴ Г. П. Жуков, Космическое право, ИМО, М., 1966, стр. 28.

¹⁵ D. Goedhuls, General Questions of the Legal Regime of Space. International Law Association. Brussels Conference 1962, London, 1963, pp: 74—75.

разом ограничили свои суверенные права в интересах развития космической деятельности на благо всего человечества¹⁶. Именно в этих целях государства установили юридические пределы свободы космической деятельности. Следовательно, правовым основанием для протеста, который одно государство может направить другому по поводу осуществляемой последним космической деятельности, может служить лишь нарушение норм действующего космического права, включая Устав ООН. Практика космической деятельности государств показывает, что государства выражают протесты лишь против определенных видов космической деятельности, нарушающих общепризнанные нормы международного космического права.

Так, 26 апреля 1968 года Камбоджа заявила США официальный протест в связи с намерением последних вывести на околоземную орбиту спутник с отражателем для освещения ночью территории Вьетнама. В ноте, переданной в Вашингтон через французское посольство правительство Камбоджи протестовало против плана Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства запустить спутник с отражателем диаметром 600 ярдов, который в два раза сильнее, чем Луна, освещал бы ночью территорию Индокитая на площади свыше 100 тысяч кв. км. В ноте говорилось, что этот спутник с отражателем, если он будет использован во Вьетнаме, несомненно причинит ущерб посевам и будет представлять угрозу для жизни населения соседних стран, включая Камбоджу.

Государства, таким образом, могут протестовать против осуществления каким-либо другим государством космической деятельности лишь в случаях нарушений норм действующего космического права. Другими словами, правомерность космической деятельности государств определяется ее соответствием или несоответствием положениям космического права, включая Устав ООН, а не высотой, на которой такая деятельность может осуществляться. Космическая деятельность, вне зависимости от места ее осуществления, подпадает под действие норм и принципов космического права — таковы выводы, вытекающие из анализа положений Договора по космосу 1967 года и других источников космического права, из современной практики космической деятельности государств¹⁷.

Согласно положениям Договора по космосу 1967 года, праву государств на свободу осуществления космической деятельности соответствует обязанность осуществлять эту деятельность в соответствии с положениями Договора (ст. VI), то-есть прежде всего не нарушать суверенные права других государств. Отсюда следует, что государства не вправе осуществлять запуски и полеты своих космических аппаратов над территориями других государств на таких высотах и таким образом, что это могло бы создать какие-либо помехи или ущерб нормальному функционированию нижележащих государств. Перспектива создания в ближайшем будущем все более совершенных управляемых гиперзвуковых аппаратов, использующих спуск с аэродинамическим качеством¹⁸, несомненно, приведет государства к необходимости ограничения в договорном порядке, минимальной допустимой высоты снижения космических аппаратов одних государств над территориями других¹⁹.

Космическая деятельность государств может не соответствовать суверенным правам и интересам нижележащих государств или нарушать их в случае полетов и маневрирования иностранных космических аппаратов над территориями других государств на таких высотах, на которых могут создаваться помехи и ущерб нормальному функционированию нижележащих государств. Кроме того, такое нарушение может иметь место в результате воздействия, оказываемого с борта находящегося на значи-

¹⁶ Текст Договора по космосу 1967 года см. «Правда», 28.1.1967.

¹⁷ Г. П. Жуков, Правовой статус космических объектов, «Советское государство и право» № 9, 1969, стр. 94; Док. ООН A/AC.105/37; 14 July, 1967.

¹⁸ От Луны на Землю, беседа с акад. Г. И. Петровым, «Известия», 19.XI.1968.

¹⁹ Справочник по космонавтике, стр. 56—57, 105—109.

тельном удалении космического аппарата, в пределах территории нижележащего государства²⁰.

Поэтому, чтобы быть эффективным, такое ограничение минимальной высоты полета космических аппаратов над территориями других государств должно явиться составной частью всестороннего и детального регламентирования космической деятельности на основе международного соглашения всех заинтересованных государств.

Основной упор в решении проблемы, ограниченно сочетающем и совмещающем свободу космической деятельности и необходимое обеспечение суверенных прав и интересов нижележащих государств, должен делаться на строгой и детальной регламентации космической деятельности, имеющей цель сведения к минимуму возможностей использования космической деятельности в ущерб другим государствам. Решение должно включать, таким образом, закрепленные в договорном порядке правовые ограничения свободы космической деятельности, включая ограничение минимально допустимой высоты снижения космических аппаратов над территориями других государств. Разумеется, чтобы быть эффективным, такое функциональное ограничение должно быть составной частью всестороннего и детального регламентирования космической деятельности, основанного на международном соглашении государств мира.

Именно поэтому решение этой сложной проблемы должно основываться на «громадной внимательности к интересам различных наций», которая, по словам В. И. Ленина, «устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-либо интриг, создает то доверие..., без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможно»²¹.

ՊԵՏԱԿԱՆ ՍՈՒՎԵՐԵՆՈՒԹՅԱՆ ՊՐՈՌԵՆՍԸ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՏԻԵՋԵՐԱԿԱՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ

Վ. Գ. ԷՄԻՆ

Ա. Մ. Փ. Ո. Փ. Ն. Մ.

Հոգավածում քննվում են այն հարցերը, որոնք ծագել են վերերկրային տարածության մեջ ուրիշ պետությունների տերիտորիայի վրա լուծվող տիեզերական ապարատների թռիչքների կապակցությամբ: Պետությունների և իրավաբանների առջև ծագած և տեսական ու գործնական լուծում պահանջող հարևանադուր զաղաքական-իրավաբանական պրոբլեմներից մեկը՝ ընդ որ պետությունների տիեզերական գործունեության ազատության և իր տերիտորիայի վրա օդային տարածության նկատմամբ յուրաքանչյուր պետության լիակատար և բացառիկ սովերենության փոխհարաբերության հարցն է:

Պրոբլեմի պարզաբանման հետ միաժամանակ հոգավածում քննարկվում են այն տեսությունները, որոնք առաջ են քաշվում միջազգային տիեզերական իրավունքի վերաբերյալ սովետական և արաբական զբաղմունքների մեջ, փորձ է արվում բացահայտելու պրոբլեմի լուծման հիմնական ուղղությունները՝ միջազգային տիեզերական իրավունքի տեսության առումով:

Նշված պրոբլեմի բավարար լուծումը պետք է օրգանապես զուգակցի իր մեջ տիեզերական գործունեության ազատության և սեփական տերիտորիայի վրա օդային տարածության նկատմամբ յուրաքանչյուր պետության լիակատար սովերենության սկզբունքները: Այդ պատճառով հիմնական շեշտը պետք է դրվի պետությունների տիեզերական գործունեության խիստ և մանրամասն ուղղամենտացիայի վրա, որպեսզի նվազագույնի հասցնեն տիեզերական գործունեությանը երրորդ պետությունների սովերեն իրավունքներին և շահերին ի վնաս գործածելու հնարավորություն: Ուղղակի հարցի որոշման անբաժանելի բաղկացուցիչ մաս, անհրաժեշտ է պայմանագրային կարգով ֆունկցիոնալ սահմանափակություն մտցնել մի պետության տիեզերական ապարատների թռիչքի նվազագույն բարձրության վերաբերյալ՝ մի ալլ պետության տերիտորիայի վրայով թռչելու: Առկա գիտա-տեխնիկական տվյալները հաշվի առնելով, ամենից քննարկելիք թվում է երկրի վրա 50—60 կիլոմետր բարձրության թռիչքը:

²⁰ Док. ООН А/АС.105/62; 30 June 1969, p. 1.

²¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 54, стр. 240.